

ре?” Для молодой американской писательницы присутствие Набокова в литературном мире – факт личной биографии. “[...] Для меня это фигура трагическая, возможно и героическая в своей изоляции, а быть может и стерильная, умертвляющая – если она долго занимает воображение.

[...] Он только сам, только он. Потому ясно, что он презирает такие “посредственности”, как Стендаль, Золя, Бальзак, Достоевский, Манн, презирает не потому, что они на самом деле посредственны, а потому, что они – не Набоковы. Особое презрение он испытывает к Достоевскому, который изливает любовь на всех.

С его сосредоточенным интересом к форме и к манипуляции, Набоков, конечно, не может почувствовать и даже не в состоянии понять, что совершил Достоевский. [...]” – Там же, ед. хр. 360. Л. 38. Машинопись.

Р. ПРАЙС – Р.Д. ОРЛОВОЙ

[30 мая 1975 г.
Дёхэм]

Дорогая миссис Орлова,

Мой друг прислал мне из Англии Вашу замечательную рецензию на мой роман “Долгая и счастливая жизнь” вскоре после ее появления в 1963 году, и с тех пор я Вам бесконечно благодарен. Мне не удалось найти русский перевод¹, если у Вас найдется лишний экземпляр, я буду в восторге, если Вы мне пришлете. Посылаю Вам свои книги.

Вы спрашиваете о моих отношениях с русской литературой. Это было самым важным из осознанного мною, – самым важным, сформировавшим меня, как писателя, каким бы я ни был. Я начал читать Толстого, – “Анну Каренину”, – летом 1948 года, когда мне было 15 лет (скорее всего, я начал потому, что посмотрел фильм с Вивьен Ли, который тогда шел²). Вскоре после этого я прочитал “Преступление и наказание”. Еще позже, когда я учился в 1954–55 годах в университете Дьюка, я погрузился в русскую прозу, – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Бабель, мемуары Горького (но не его беллетристика). Затем, когда я поступил в аспирантуру в Оксфорде в Англии (1955–58 гг.), я сам начал всерьез писать. И под руководством лорда Дэвида Сесиль³, – он занимал тогда кафедру Голдсмита в Оксфорде, – одобрявшего мои первые литературные шаги, я сосредоточился на Толстом, прочитал и перечитал все его произведения в прозе, значительную часть его статей и социально-религиозных трактатов. Формально я занимался не им (тема моей диссертации – Джон Мильтон), но я его буквально пожирал. Этому было несколько причин: к этому меня толкал лорд Сесиль, мои собственные первые встречи с ним, и моя любовь к нему, и сильнейшая необходимость, которую я

ощущал, как начинающий, проводить столько времени, сколько возможно, в обществе мастера. Он и сейчас представляется мне мастером: самым великим, несопоставимо великим писателем и, вместе с Шекспиром, – одним из двух величайших умов и сердец, которые когда-либо писали. Я и теперь постоянно перечитываю его, – и по глубокой любви и восхищению, и потому, что я продолжаю испытывать внутреннюю необходимость контакта с его громадной верой в то, что *жизнь, если ее наблюдать глазами людей, умеющих думать и чувствовать*, представляет те истории, из которых создается, может быть создано искусство.

Я продолжал восхищаться и другими русскими писателями, но к ним я не возвращался, как к Толстому. Достоевский, вопреки его несомненной гениальности, теперь мало значит для меня, – по очень простой, быть может, и банальной причине: я не люблю его героев, я не хотел бы знакомиться с ними, не хотел бы находиться в одной комнате, не хотел бы даже наблюдать за ними с безопасного расстояния. И поэтому я не радуюсь встречам с ними в книгах, как бы великолепно они ни были написаны. Чехова и Гоголя я продолжал любить, но редко навещал. (Как и многие американские писатели, я нахожу, что я мало читаю “серьезной” литературы, – и, вероятно, потому, что почти все время я провожу, сочиняя “серьезные” книги, и предпочитаю иначе проводить часы досуга.)

Теперь Вы понимаете, что я не очень начитан в современной русской литературе. Я знаю, что должен был бы читать больше. Мне хотелось бы. Но я и в современной американской прозе не очень начитан. Я понимаю, что Ваша богатейшая традиция продолжается, и мне хотелось бы, чтобы Вы мне порекомендовали, каких романистов постеклассического периода мне нужно прочитать (сейчас я поставил себе огромную цель – прочитать всего Марселя Пруста; я закончил большой роман⁴, позволил наградить себя свободным летом и поклялся, наконец, кончить Пруста!)

Надеюсь, что эти несколько строк представят для Вас некоторый интерес и что Вам понравятся мои книги. Если у Вас еще появятся вопросы, я обещаю Вам ответить раньше, чем на этот раз (я был очень занят последние четыре месяца, читал верстку своего романа и одновременно пытался готовить университетские лекции)⁵.

Пока всего хорошего, с наилучшими пожеланиями, добрыми надеждами, искренно Ваш,

Рейнольдс Прайс.

РГАЛИ, ф. 2548, оп. 2, ед. хр. 141. Л. 1–2. Машинопись с подписью-автографом на английском языке. Курсив Р. Прайса. Перевод В.Д. Медвинской. Датируется условно на основании почтового